

УДК 745.5

DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-134-145

Войлок в обрядовой культуре калмыков

Felt in the Ritual Culture of the Kalmyks

С. Г. Батырева (S. Batyreva)¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии

ORCID: 0000-0003-4268-0705. E-mail: sargerel@mail.ru

Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin Str., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (Art Studies), Leading Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology

ORCID: 0000-0003-4268-0705. E-mail: sargerel@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена войлоку, рассматриваемому в синтезе обрядов и художественных традиций народа. Предметная сфера бытия номадов, сформированная этнической культурой, проецирует пространственно-временную картину мира в реликтах обрядов и традиций. Сохранение их у калмыков наглядно отражается в символике предметной среды, важную часть которой составляют войлочные изделия. Традиции и обряды в хозяйственном укладе жизни и быту позволяют выявить доминирующие константы материальной и духовной культуры номадов, проследить механизмы их функционирования. Последнее выражается в явлениях художественного ремесла, сопровождающих сферу обрядовой культуры. Имея общие истоки происхождения, традиционное наследие каждого из монголоязычных народов самобытно. Таков декор войлочных изделий калмыков, сохраняющий архаический пласт орнаментики, органично сопрягаемый с традиционным мировидением номадов. Искусство, обусловленное историей народа, природным и этнокультурным ландшафтом бытия, взаимосвязано с обрядовой культурой, оформленной этническим своеобразием художественных традиций Калмыкии.

Ключевые слова: номады, калмыки, этническая культура, войлок, обряды жизненного цикла, художественные традиции

Для цитирования: Батырева С. Г. Войлок в обрядовой культуре калмыков. Монголоведение. 2019;(1):134-145. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-134-145.

Abstract. The article deals with felt viewed in the synthesis of national rites and traditions. The subject sphere of the nomads formed by ethnic culture manifests the spatio-temporal picture of the world onto relics of rituals and traditions. Their preservation among the Kalmyks and other Turko-Mongols is clearly reflected in the subject symbolism, an important part of which is constituted by felt products. Traditions and rituals in everyday life and economic structures make it possible to identify the dominant constants of material and spiritual cultures of the nomads, to trace mechanisms of their functioning. The latter can be traced in artistic crafts accompanying the sphere of ritual culture. Despite common origins with other nomadic cultures, the traditional heritage of Mongolic peoples is original enough. This is the case with decorative patterns of Kalmyk felts preserving the archaic layer of nomad ornaments. Due to the natural and ethnocultural landscape, art is interconnected with ritual culture enriched with ethnic peculiarities of Kalmykia's artistic traditions.

Keywords: nomads, Kalmyks, ethnic culture, felt, life cycle rituals, artistic traditions

For citation: Batyreva S. Felt in the Ritual Culture of the Kalmyks. *Mongolian Studies*. 2019;(1):134-145. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-134-145.

Рассматривая войлок в традиционной культуре калмыков, нередко воспринимаемый как небольшая, может быть, далеко не важная ее часть, нельзя забывать о том, с какой культурой имеем дело. Мобильный уклад хозяйствования подразумевает место и роль войлоковаления как основу основ кочевого бытия. Культурное наследие Калмыкии тесно связано с ведением и традициями скотоводческого хозяйства, уходящего в далекое прошлое истории номадов.

Разведение скота как материальная основа бытия дает всё необходимое для жизни: пищу, одежду, топливо, войлок для изготовления удобного транспортабельного жилья и других необходимых предметов кочевого быта [Батырева 2017].

Исходный материал натурального хозяйства сбивали в войлок, не заменимый не только в каждодневном быту, но и в обрядовой сфере. Так, белым войлоком покрывали кибитку культового назначения, а также предназначенную для молодых, образующих новую семью в традиционном обществе. На белый двухслойный войлок преклоняла колени новобрачная, входящая в род мужа, приобретая новый статус в обряде поклонения солнцу, предкам, семейному очагу «мөргмү» [Шараева 2011: 121].

В составе приданого невесты войлочные изделия имеют не только прикладную, но и охранительную значимость: подушки-

валики «дер» (головные «дер богц» и ножные «көл богц»), постельные принадлежности (тюфяки «девскр» и циновки «ширдг»), чулки «өмсн», футляры для чашек «сав», тесьма для опоясывания кибитки «хошлнн» и др.

Традицией обрядового характера является рассылание членам родового сообщества кусочков войлока «ультрик» во время изготовления женщинами войлочных изделий и плетения веревок для кибитки [Душан 2016: 130]. Обычай свидетельствует о важной социальной роли традиционного материала в жизни калмыков.

Особую часть приданого составляли войлочные циновки «ширдг», нагружаемые на верблюда из свадебного поезда, украшенного нарядным потником «тохм» и недоуздом «ногт». Вещи делались невестой: шерсть валялась, получаемый войлок простегивался узором сакральной значимости. Родными невесты изготавливались принадлежности кошмового покрытия кибитки, шерстяные тесьмы, шнуры, пришивавшиеся к углам войлоков, волосяные и шерстяные веревки [Шараева 2011: 100–101, 119].

В фотоархиве Российского этнографического музея (РЭМ) имеются уникальные снимки начала XX в., зафиксировавшие изготовление войлока, свадебный поезд невесты с приданым, погруженным на верблюдов, одетых в потники и недоуздом, украшенные стежкой, аппликацией и шитьем. Такие нарядные войлочные принадлежности употреблялись только в свадебных церемониях, что отмечено исследователем А. А. Миллером, собирателем калмыцкой коллекции РЭМ [Миллер 1906–1907].

В войлочной кладовой РЭМ хранится полный комплект кошмового покрытия калмыцкой кибитки «ишкэ гер» белого цвета. В свадебном ритуале «хүрм» белый кошмовый полог навешивался на дверной проем в последнюю очередь, неся функцию ограждения молодой семьи от воздействия злых сил. Обрядовое действие совершалось в целом с приданым невесты и оформляло новые родственные связи, изменение и утверждение нового статуса молодоженов в традиционном сообществе. Сакральным воспринималось круговое пространство культовой кибитки «хурлын гер», подчеркиваемое белым цветом кошмового покрытия. Здесь совершались обрядовые действия, призванные защитить и оберечь мирян от

негативного воздействия природной среды, мирских искушений, препятствий и злых духов.

Войлок сопровождал весь жизненный цикл бытия калмыков. В родинных обрядах «мелэлһн» на войлочную подстилку «девскр» принимали новорожденного, окутывая его в мягкий и экологически чистый материал. Обряд первых шагов ребенка совершался на белом войлоке с символическим перерезанием шерстяных нитей, обвитых вокруг ножек. С ушедшим в мир иной прощались, заворачивая его в кошму и провожая в последний путь в похоронно-поминальных обрядах «оршалһн».

В комплексе обрядов и традиций, сопутствующих жизни кочевников, проецируется этническая картина мира, получающая развитие в концепте триединства вселенной: плоскости земли, воздушных потоков, устремленных в небо, и подземных сил. Это взаимодействие одинаково закономерно для людей, животного и растительного миров, олицетворяющих жизнь в ее постоянном движении и изменениях. Первоуродное в истоках мышление кочевников, образующее органичную целостность миропредставления, оформлено в образной выразительности орнаментального декора предметов [Батырева 2006: 85–106]. Здесь заложена архаическая основа множества понятий и представлений народа, развитых в обрядовой культуре и философии буддизма.

Основополагающий концепт взаимообусловленной целостности мира (калм. «йиртжин хойр үндсн» — в образном переводе ‘борьба противоположностей’), древний в происхождении, предполагает обращение к проблеме культурного архетипа мировоззрения [Батырева 2018: 10], лежащего в основе обрядовой культуры народа.

Вертикальная ось мирового древа, воспроизводимая в родовых обрядах охранительного цикла, означает начало, сопрягаемое с центром мифопоэтического мироздания. Исходная в миропонимании древних точка изображения находит развитие в спиральной композиции орнамента, «вращающегося» как по ходу солнца («зөв эргэд»), так и против солнца. В стеганом декоре войлока из коллекции Музея джангарчи Ээлян Овла (пос. Ики Бухус Малодербетовского района) подчеркивается мысль о единстве миросоставляю-

щих стихий во взаимодействии противоположностей. В мировидении древних номадов и монголов оно означает два полюса мира, вступающие в противодействие и взаимодействие, образуя таким образом «начало начал» бытия в философском концепте «аргабилиг» [Гантулга 2011: 375–376].

Единой линией движения в три яруса простеган цветной строчкой узор древнего войлочного ковра из Ноин Улы (Монголия) [Гантулга 2017]. Четко выделен центр композиции как характерная особенность построения пространства в искусстве монгольских народов. Динамика спиральных узоров сдерживается каймой геометрического орнамента, сочетающего кресты, линии и зооморфные фигуры, выполненные в технике цветной аппликации [Батырева 2018: 6–13]. Изобразительные мотивы прикладного искусства номадов составляют «скотоводческий орнаментальный комплекс» [Батырева 2006: 78–81]. Выступая культурно-значимой информацией в пространственной визуализации традиционных этнокультурных кодов, орнамент образует декор предметов кочевого быта.

В механизме трансляции древнего пласта художественного мировидения реализуются универсалии и закономерности, свойственные обрядовой культуре номадов. Здесь сосредоточены важнейшие архетипы человеческого сознания, универсальные ментальные схемы мироощущения, составляющие образную систему художественного мышления. Здесь реконструируется средствами материальной культуры этническая картина мира [Батырева и др. 2015: 345–356], зримо проецируемая в обрядах жизненного цикла номадов. Они образуют органичную совокупность родинных традиций «мелэлһн», свадебного комплекса «хүрм» и ритуального ухода в мир иной «оршалһн».

Исполнение традиций тесно связано с предметной сферой материальной культуры, знаково обозначающей и сопровождающей то или иное обрядовое действие. Для него характерны концентрический и линейный принципы освоения пространства, составляющие особенности пространственного мышления кочевников [Тишков 2003: 25; Пространство 2008], проецируемые в образном строе традиционного бытия. Оно реализуется в системе универсальных знаков и символов, воспроизводимых как в орнаментальном деко-

ре войлока, так и обрядовых действиях, обеспечивающих трансляцию художественного опыта в границах традиции.

Продолжая линию знаковой выразительности пространства, в котором производятся обрядовые действия, выделяем принцип бинарной оппозиции явлений миропорядка: «день-ночь», «свет-тьма», «земля-небо», «правое-левое», «мужское-женское» и т. д. Традиционно сопрягаемые и в пространстве символического декора предметов, ритуальное изображение-действие может сочетать, например, мужское начало в проецировании фаллического культа и женское, связанное с культом плодородия [Гамзатова 2004: 79]. Исходные и взаимообусловленные понятия отображают жизнеутверждающие архетипы сознания, воспроизводимые в творческой деятельности. Они составляют основы традиционного мировидения, реализуемые в пространственных параметрах бытия кочевников: в процессе исполнения обряда или художественной обработки войлока.

В призме древних традиций воспринимается декоративно-прикладное искусство калмыков рубежа XIX–XX в. и, в частности, узорное войлоковаление как художественная обработка валяной шерсти в сочетании с кожей и тканью [Батырева 2006: 33–47].

Материалы, функционально взаимосвязанные в утилитарном назначении, представляют сферу женского рукоделия. Традиционно орнаментированное кошмоваление составляет мягкую предметную среду обитания кочевников.

Внутри кибитки «ишкэ гер» калмычка использовала войлочные изделия, украшенные стежкой и аппликацией, кровать застилала орнаментированной белой кошмой, пол — узорными войлочными циновками. Обрядовый характер имело традиционное в порядке выкладывания войлоком брачного ложа в свадебном ритуале. Наличие войлоков — свидетельство достатка семьи и мастерства хозяйки, девушки на выданье, как правило, не засиживавшейся долго в отчем доме. Рукодельницы умели не только валять шерсть и окрашивать в нужный цвет, наносить узорную стежку на изделия из кожи и войлока, но также сучить нити из шерсти, искусно вытягивать золотые и серебряные нити, шить позументы для украшения одежды и изделий. Декор наносился на войлочную

поверхность приемами аппликации, вышивки или простегивания шерстяными нитями, заменившими сухожилия животных, использовавшиеся в XVI–XVIII вв.

Традиционная прямоугольная форма тюфяков «девскр» и циновок «ширдг» изготавливалась из двухслойных полотнищ различной толщины. В предсвадебной подготовке приданого невесты обрядовый характер несет процесс их соединения приемами сквозного простегивания. Разнообразие войлока ойратов и калмыков представлено в коллекции Музея традиционной культуры им. Зая-пандиты КалмНЦ РАН.

Ойратами применяются нити разного цвета и шнуры «утцн» для выкладывания узора на войлоке, а также в создании пояса «бүс» для юрты и вития веревок «деесн». Для открывания круга «өрк» дымохода «харач», соединяющего жилое пространство человека с верхним миром предков, веревки, как и само кошмовое покрытие «өрк хэрүлх», делались из белой шерсти. Помимо используемой овечьей шерсти веревки, витые из конского волоса, более прочные и жесткие, применялись для обвязки деревянных конструкций жилища, создающих жизненно необходимое пространство бытия кочевника.

В изготовлении двухслойного стёганого войлока (калм. «ширдг», монг. «ширмэл») белый слой иногда дублируют менее ценной кошмой серого цвета, простегивая нитью из белой овечьей шерсти. Декор войлока состоит из орнаментального поля и бордюра, границы его отделяются от поля строчевыми швами. Узор геометрический варьируется, представляя собой композицию из косых параллельных линий, ромбовидных и треугольных форм, полукружного, п-образного или т-образного орнамента. Сочетание последних несет образную выразительность понятия «пути-дороги», характеризующего мобильное бытие кочевника. Оно оформляется узором войлочных предметов приданого, играющего свою роль в свадебных обрядах перехода невесты из дозамужнего состояния в обретение другого социального статуса.

Входя в орнаментальный декор вещей, стеганое изображение могло быть родовым знаком «тамһ» древнего происхождения, подчеркивающим его значимую символику.

В исполнении войлочного декора, нередко несущего сакральный смысл, калмычка умело применяла лицевое шитье стежком «хатхмр», выкладывая кайму шнуром «утцн», свитым из нитей, — свидетельствует И. Житецкий, исследователь калмыцкого быта XIX в. [Житецкий 1893: 38–41, 78].

Декоративный эффект контрастного сочетания цвета и фактуры шерстяных нитей, цветного шнура и материальной основы калмыцкого войлока подчеркнут геометрической графикой орнамента, выстланного строчевым швом. Соединение слоев разного цвета в войлочном полотнище акцентировано помещением светлого фрагмента в центре изделия. Таковы экспонаты Национального музея Республики Калмыкия имени Н. Н. Пальмова, а также Войлочной кладовой РЭМ, собранные А. А. Миллером в 1906 г. у калмыков Донской области Сальского округа. Обшивка полосой, составленной из треугольных лоскутков красного и черного сукна, красочно дополняет образец настенного войлока [Миллер 1906–1907: 11].

В иллюстративном ряду каталога выставки «Мир войлока» РЭМ приведен калмыцкий потник на двугорбого верблюда, датируемый началом XX в. Декор его составляют круги и квадраты, заполненные крестообразной узорной стежкой «цаһргг зег», символизирующей деревянное перекрестье дымохода «харач» кибитки. Орнаментальный мотив на верблюжьей попоне сочетает приемы простегивания цветной шерстяной нитью и тканевой аппликации (сукна зеленого, красного и черного цвета).

Геометрический узор войлочной попоны, надхвостника с кисточкой на конце и недоуздка образован ромбами и треугольниками, соединенными параллельными линиями строчки. Таков комплект войлочного снаряжения верблюда из «свадебного поезда» невесты, дублированного тканью и аппликацией из цветного сукна, тесьмой и черной бахромой. Этническое своеобразие декора сложилось в обрядовой культуре народа, наследие которого сформировано в евразийском перекрестье художественных традиций.

Пространство войлока, заполненное знаками и символами традиционной культуры, подчеркнем, имеет упорядоченную систему оберега, призванного аккумулировать жизненные силы человека.

Многообразный пластический язык декора показывает наличие общего для монгольских народов символического мышления, объемлющего такие понятия философского и этического характера, как вечность, счастье, благополучие и богатство, пожелание добра. Вместе с тем культурный смысл орнамента несет особенное в призме мировидения, адекватно проецируемого в обрядах и традициях народного бытия.

Орнамент, историко-генетический код, прочитываемый в обрядовой культуре, раскрывает процесс ее формообразования. Это происходит в функционировании «социальной регуляции и репродукции в жизни общества, координирующих взаимоотношения половозрастных групп внутри семьи, рода...» [Шараева 2011: 112] и этнической общности в целом. Традиционная сфера культуры как древняя знаковая система выступает своеобразной «азбукой» народного творчества.

«Зегтэгэр керүлх» (калм. ‘украшать орнаментом’) — ключевое выражение не только в терминологии узорного войлоковаления в системе прикладного творчества, но и народного бытия в целом. Предметами художественного ремесла сопровождается и образно оформляется исполнение традиций и обрядов жизненного цикла. В органичной совокупности материального и духовного воспринимается культурное наследие калмыков.

В комплексном подходе впервые предпринято осмысление не только материальной составляющей натурального животноводческого хозяйства, но и духовной наполненности традиционной обрядовой культуры калмыков. Это номадическая специфика обрядов жизненного цикла и ремесленное производство предметной бытовой среды в традициях художественной обработки войлока калмыков. Семантика орнаментального декора предметов, играющая особую роль в обрядах, обусловлена процессом адаптации к меняющимся условиям развития материально-духовной культуры народа. Современное бытие традиций как актуальная проблема исследования определяет перспективы дальнейшего развития общества. Сохраняясь в обрядовой культуре, они играют важную роль в формировании этнокультурной идентичности молодого поколения.

Источники

Миллер 1906–1907 — *Миллер А. А.* Материалы по калмыцкой этнографии. Рукопись, зарисовки, фотографии (1906–1907). Сектор рукописей Государственного музея этнографии. Ф. 1. Оп. 2. Д. 403. 29 л.

Sources

Miller A. A. Materialy po kalmytskoy etnografii. Rukopis', zarisovki, fotografii (1906–1907) [Materials on Kalmyk ethnography: manuscript, sketches, photographs (1906-1907)]. Russian Museum of Ethnography, Manuscript Department. Fund 1. Ser. 2. File 403. 29 p. (In Rus.)

Литература

Батырева и др. 2015 — *Батырева К. П., Батырева С. Г.* Этническая картина мира как культурное наследие калмыков // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова. М.; Краснодар: ЮФ РНИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, 2015. С. 345–356.

Батырева 2018 — *Батырева С. Г.* Войлок в музейном собрании Государственного Эрмитажа: к вопросу образного мышления номадов Центральной Азии // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 3. С. 6–13.

Батырева 2006 — *Батырева С. Г.* Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX – начала XX вв. Элиста: АОр «НПП „Джангар“», 2006. 160 с.: ил.

Батырева 2017 — *Батырева С. Г.* Войлок в системе комплектования музейного фонда // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 1. С. 164–168.

Гамзатова 2004 — *Гамзатова П. Р.* Архаические традиции в народном декоративно-прикладном искусстве (К проблеме культурного архетипа). М.: Editorial URSS, 2004. 144 с.

Гантулга 2011 — *Гантулга Д.* Цветовая, числовая и образная символика монголов в контексте учения *аргабилиг* // Мир науки, культуры и образования. 2011. № 4(29). С. 375–376.

Гантулга 2017 — *Гантулга Д.* Художественная выразительность в орнаменте войлочных ковров [электронный ресурс] // Искусство Евразии. 2017. № 6. Евразийское наследие. URL: <https://readymag.com/u50070366/821476/8/> (дата обращения: 01.06.2018).

- Душан 1976 — *Душан У.* Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. Вып. 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 5–89.
- Житецкий 1893 — *Житецкий И. А.* Астраханские калмыки. Наблюдения и заметки в 2-х очерках. Астрахань: Тип. «Астраханского листка», 1893. 214 с.
- Пространство 2008 — Пространство в традиционной культуре монгольских народов 2008 / Б. З. Нанзатов, Д. А. Николаева, М. М. Содномпилова, О. А. Шагланова; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. М.: Восточная литература, 2008. 341 с.
- Тишков 2003 — *Тишков В.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. 544 с.
- Шараева 2011 — *Шараева Т. И.* Обряды жизненного цикла у калмыков (XIX – нач. XX в.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2011. 223 с.

References

- Batyreva K. P., Batyreva S. G. Ethnic worldview as a cultural heritage of the Kalmyks. Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiya. Coll. papers. I. I. Gorlova (ed.). Moscow; Krasnodar: Ministry of Culture of Russia, Southern Branch of Likhachev Russian Cultural and Natural Heritage Research Institute, 2015. Pp. 345–356. (In Rus.)
- Batyreva S. G. Samples of felt in the collection of the State Hermitage Museum: the issue of Central Asian nomads' figurative thinking. Vestnik Kalmytskogo gosuniversiteta. 2018. No. 3. Pp. 6–13. (In Rus.)
- Batyreva S. G. Narodnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo kalmykov XIX – nachala XX vv. [Folk decorative and applied arts of the Kalmyks: 19th to early 20th cc.]. Elista: Dzhangar, 2006. 160 p. (In Rus.)
- Batyreva S. G. Compiling museum funds: felt arts works. Byulleten' KalmNTS RAN. Is. 1. Ser. 'Historical Sciences'. 2017. Pp. 164–168. (In Rus.)
- Gamzatova P. R. Arkhaicheskie traditsii v narodnom dekorativno-prikladnom iskusstve (K probleme kul'turnogo arkheta) [Archaic traditions in folk applied and decorative arts: cultural archetypes revisited]. Moscow: Editorial URSS, 2004. 144 p. (In Rus.)
- Gantulga D. The teaching of Argabilig: symbolism of colors, numbers and images among the Mongols. Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya. 2011. No. 4(29). Pp. 375–376. (In Rus.)
- Gantulga D. Artistic expressiveness in ornamental patterns of felt carpets. Iskusstvo Evrazii. 2017. Mo. 6. Evraziyskoe nasledie. Available at: <https://readymag.com/u50070366/821476/8/> (accessed: 1 June 2018). (In Rus.)

- Dushan U. Customs and rituals of pre-revolutionary Kalmykia. *Etnograficheskiy sbornik*. Is. 1. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1976. Pp. 5–89. (In Rus.)
- Zhitetsky I. A. Astrakhanskies kalmyki. *Nablyudeniya i zametki v 2-kh ocherkakh* [Astrakhan Kalmyks: observations and notes in two essays]. Astrakhan: Astrakhanskiy Listok, 1893. 214 p. (In Rus.)
- Prostranstvo v traditsionnoy kul'ture mongol'skikh narodov [Space in the traditional culture of Mongols]. B. Z. Nanzatov et al.; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Sib. Branch of RAS). Moscow: Vost. Lit., 2008. 341 p. (In Rus.)
- Tishkov V. *Rekviem po etnosu. Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for the ethnos: studies in socio-cultural anthropology]. Mikloukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology. Moscow: Nauka, 2003. 544 p. (In Rus.)
- Sharaeva T. I. *Obyady zhiznennogo tsikla u kalmykov (XIX – nach. XX v.)* [Life cycle rituals of the Kalmyks: 19th to early 20th cc.]. Elista: Dzhangar, 2011. 223 p. (In Rus.)